

Теплый паланкин остановился у обочины, и вскоре Сяо Лянь вернулась.

— Госпожа, я расспросила. Эти круглые пирожные из-за своих пяти цветов и пяти видов называют «пятью элементами». Наряду с жареными юаньсяо и молочным чаем их продают на уличном прилавке семьи Цинь здесь, на этой улице.

— Прилавков семьи Цинь? — удивилась Сун Дунлин, ощутив пробуждающийся интерес. — Раньше я и не слышала, чтобы на улице Баньцяо был такой прилавок.

Ночной рынок на улице Баньцяо существует уже много лет, и из-за высокой конкуренции места на нём передаются крайне редко. Хотя Сун Дунлин за последние два года выходила из дома нечасто, она часто поручала слугам из переднего двора покупать что-нибудь на этом рынке. Например, рыбный студень госпожи Хань с улицы Баньцяо — это изысканное блюдо, которого даже в ресторанах не найти, был очень уж ей по вкусу.

Сяо Лянь продолжила рассказывать:

— Я узнала, что днём этот прилавок семьи Цинь торгует на улице Любао. Там они продают какие-то «яичные бургеры» и «жареные блины с начинкой» — я не совсем поняла, что это такое, но всё это выглядит весьма необычно. Завоевав популярность, они арендовали место на улице Баньцяо всего на месяц — специально для торговли до и после праздника.

Сяо Лянь тараторила без остановки, а госпожа, слушая её, на мгновение задумалась и наконец спросила:

— Прилавок-то чистый?

Маленькая служанка сразу поняла, о чём речь, и с улыбкой ответила:

— Госпожа, не волнуйтесь. Я всё внимательно рассмотрела. Чистота там не просто хорошая — она безупречная! Все трое работников носят платки на головах, тот, кто принимает деньги, не касается еды, а столешницу постоянно протирают. Совсем не как у обычных уличных торговцев, где всё блестит от масла.

Сун Дунлин явно заинтересовалась. Особенно после того, как на вечернем семейном ужине она практически не прикоснулась к еде: старший брат не появился за столом, а смотреть на самодовольные лица четырёх человек из второго дома ей было совсем не по душе. Теперь, сидя в паланкине, она ощутила голод, а ароматы, доносящиеся с улицы Баньцяо, так и манили.

Достав из кармана кошелек, она вынула серебряный слиток и протянула его Сяо Лянь.

— Сходи и выбери несколько видов.

Получив серебро, Сяо Лянь нахмурилась:

— Госпожа, самое дорогое из этих угощений стоит всего несколько десятков вэнь. А сдачи с серебра у них может и не быть.

Сун Дунлин не придавала значения словам Сяо Лянь:

— У тебя есть медные монеты? Если есть, расплатись ими. А серебро оставь себе.

Сяо Лянь весело рассмеялась, давно привыкнув к щедрости своей госпожи:

— Благодарю за награду, госпожа!

Тем временем на прилавке Цинь Ся вовсе не удивился возвращению девушки. Он уже заметил, как она, узнав цены, направилась к стоящему неподалёку паланкину. Судя по всему, какая-то знатная барышня отправила слугу разузнать, что да почём.

— Хозяин, мне, пожалуйста, один стакан молочного чая, порцию юаньсяо, порцию жареных булочек, по одной штуке каждого вида пирожных, и ещё одну порцию тофу на шпажках с бульоном.

Сяо Лянь быстро и уверенно перечислила заказ. Хотя госпожа велела взять «несколько видов», она фактически заказала всё, кроме жареного куриного каркаса и жареного тофу.

Госпожа ведь не любит жареный тофу за его сильный вкус. То же касается и куриного каркаса — блюдо явно не из тех, что можно есть изящно, да и куриное мясо Сун Дунлин давно наскучило, несмотря на традиции дома, предпочитающего блюда из птицы и рыбы.

— Кстати, можно ли нарезать пирожные на небольшие кусочки и упаковать в бумажную коробку? — уточнила Сяо Лянь.

— Конечно можно, — мгновенно согласился Юй Цзюцюэ. Он назвал сумму, взял монеты и быстро занялся упаковкой заказанного.

Последняя партия юаньсяо только что была снята с огня. Он ловко подцепил пять штук бамбуковыми палочками и уложил в коробку. Закончив с упаковкой всего заказа, он протянул девушке готовые блюда.

— Девушка, жареные булочки придётся подождать, а остальные блюда можете забрать сразу.

Сяо Лянь нашла это вполне разумным. Одной рукой она взяла два бамбуковых стаканчика,

другой подняла бумажные коробки, аккуратно сложенные друг на друга, и направилась обратно к паланкину.

— Госпожа, я купила несколько блюд. Всё, что не требовало приготовления, я принесла сразу. Можете пока попробовать.

Подойдя к паланкину, Сяо Лянь приподняла занавеску. Внутри оставалось немного места, и она, встав на колени на коврик, разложила принесённое. На землю для освещения был поставлен купленный ранее на мосту праздничный фонарик.

— Вот это молочный чай, а это — тофу на шпажках с бульоном. Оба блюда горячие, можно сразу выпить, чтобы согреться. А в этих двух коробках — жареные юаньсяо и пирожные «5 Элементов».

Сун Дунлин заметила, что пирожные нарезаны на небольшие кусочки, которые удобно есть, наколов на бамбуковую палочку. Похвалив Сяо Лянь за предусмотрительность, она решила сначала попробовать содержимое двух бамбуковых стаканчиков.

— По цвету похоже, что чай заварен из чёрного чая, — сказала она.

Узнав, что в чай добавлен сахар, Сун Дунлин подняла стакан, чтобы попробовать. В конце концов, какая девушка откажется от сладкого?

«Вкус насыщенный, мягкий, сладость — в самую меру», — думала Сун Дунлин, поглощая молочный чай.

Этот напиток стал настоящим открытием: от уличной еды она обычно не ожидала многого, ведь часто такие блюда оставляли ощущение грубости. Но вот этот чай, будь он подан в изысканном фарфоре в элитной чайной, мог бы стоить десятки вэнь за чашку. А здесь — всего пять.

Передав чашку с остатками чая Сяо Лянь, Сун Дунлин взяла шпажку с тофу на курином бульоне, настроившись на ещё больший восторг. И она не ошиблась. Эта, казалось бы, незамысловатая закуска приятно удивила:

— Куриный бульон наваристый, без лишней воды, — заметила Сун Дунлин, отхлебнув немного.

Хотя куриное мясо уже порядком наскучило, ароматный бульон оказался как нельзя кстати. Она предполагала, что тофу будет обычным солёным, но это оказался мягким, пропитанным куриным бульоном. Он был нежным, с тонким ароматом сои, а текстура приятно радовала. Сун Дунлин, доев первую шпажку, посмотрела на оставшееся в чашке и поняла, что легко съела бы ещё одну порцию.

В этот момент Сяо Лянь подала остывшие жареные юаньсяо:

— Госпожа, они уже остужены, так что можно пробовать. Холодные они теряют вкус.

На шпажке красовались аппетитные шарики, начинённые чёрным кунжутом.

— Босс сказал, что делает их сам, не использует готовые полуфабрикаты, — добавила Сяо Лянь.

Сун Дунлин откусила кусочек. Хрустящая оболочка, слегка тянущаяся, распалась, обнажив сладкую и ароматную кунжутную начинку. Этот вкус был и насыщенным, и необычайно гармоничным.

— Кто бы мог подумать, что рисовые шарики можно жарить? Неудивительно, что этот прилавок приносит прибыль, — заметила Сун Дунлин.

Она была дочерью купцов и хорошо разбиралась в торговом деле. Попробовав три блюда подряд, она сделала вывод: секрет успеха этого прилавка в оригинальности. Такие блюда заставляли покупателей возвращаться снова и снова, а если кому-то не удавалось успеть купить желаемое, сожаления хватало надолго.

Однако жареные шарики оказались довольно жирными. Сун Дунлин, съев два, передала оставшиеся Сяо Лянь. На десерт остались пирожные «5 элементов». Их текстура приятно удивила: ни мягкие, ни хрустящие, а упругие. Они доставляли особое удовольствие при каждом укусе.

Когда сладкого уже было достаточно, принесли последнюю закуску — жареные булочки-шэньцзянь. Но на этот раз Сяо Лянь осмелилась добавить к заказу жареный тофу, решив отказаться от зелёного лука и кинзы, добавив только соус.

— Продукты выглядели свежими, а блюдо было только что приготовлено. Всего пять вэнь, и я не удержалась, — пояснила Сяо Лянь, оправдывая свою инициативу.

— Всего пять вэнь? — Сун Дунлин задумалась, что для улицы Баньцяо такая цена — почти как даром.

Но больше всего её впечатлили оставленные напоследок жареные булочки, которые по праву стали финальным аккордом трапезы.

— Госпожа, взгляните! Эти маленькие булочки даже на столе для завтрака в нашем поместье не смотрелись бы бедно! — с восхищением заметила Сяо Лянь.

Сун Дунлин согласилась. Эти булочки действительно оправдывали своё название — чуть больше фаланги большого пальца, украшенные чёрным кунжутом сверху и с начинкой из трёх видов овощей.

Как рассказала Сяо Лянь, обычно начинка у них мясная, но сегодня, из-за нехватки свежей свинины, владелец решил сделать постный вариант. Для Сун Дунлин это оказалось даже лучше — овощная начинка была более лёгкой и свежей на вкус.

Булочки выглядели как маленькие цветы, которые даже нежные губы девушки могли проглотить целиком. Поджаренное дно было идеальным — ни намёка на горелость, а хрустящая корочка прекрасно дополняла мягкую начинку.

Когда Сун Дунлин осознала, что ест, она заметила, что из десяти булочек осталось только три.

Сяо Лянь, смеясь, спросила:

— Госпожа, вам понравились? Может, мне сходить за ещё одной порцией?

— Нет, ещё одна порция, боюсь, станет слишком тяжёлой, — улыбнулась Сун Дунлин, думая о том, что впереди ещё жареный тофу.

Полчаса спустя

Тёплый паланкин всё ещё стоял на месте, а многочисленные блюда, включая молочный чай, были полностью съедены. Конечно, больше всего досталось Сяо Лянь, но и Сун Дунлин осталась довольна. С чувством сытости и расслабленности она вдруг заметила, что неприятные воспоминания о брате и мачехе как будто рассеялись.

Сяо Лянь, поглаживая свой округлившийся живот, мечтательно вздохнула:

— Этот ужин был таким вкусным, что мне наверняка приснится сегодня ночью!

Сун Дунлин не смогла сдержать улыбки. Она чувствовала то же самое. Казалось невероятным, что маленький уличный прилавок смог предложить такой выбор блюд, словно это был изысканный ресторан. Причём каждое из них было приготовлено безупречно.

— И зачем мне тогда эти утомительные походы в «Чаньюэ Лоу»?

«Чаньюэ Лоу» был старым и известным рестораном, но его блюда казались ей предсказуемыми

и скучными. Ещё при жизни матери Сун Дунлин избегала этого места — её мать больше любила готовить в домашней кухне, чем заказывать еду в таких заведениях.

Сун Дунлин бросила взгляд на опустевшие бумажные коробки и бамбуковые стаканы. Глядя вниз, она тихо погрузилась в воспоминания.

«Если бы мама была жива, ей наверняка понравились бы эти простые, пропитанные жизнью угощения», — подумала Сун Дунлин с легкой грустью.

Но, увы, её больше нет. Даже если купить еще пару порций, в поместье не осталось никого, с кем можно было бы разделить трапезу.

Погружённая в эти мысли, она неожиданно что-то придумала. Бросив взгляд на оставшиеся блюда, Сун Дунлин быстро оценила, что из них может подойти.

Жареные юаньсяо и пирожные «5 элементов» на основе клейкого риса слишком тяжелы для желудка — явно не подойдут. Молочный чай, хотя и мягкий, содержит чайные листья, которые несовместимы с большинством лекарственных трав.

Оставалось только...

Сун Дунлин подняла глаза на Сяо Лянь и слегка кивнула в сторону улицы:

— Сяо Лянь, сходи ещё раз. Купи порцию жареного тофу, как прежде, без зелёного лука и кинзы, и порцию булочек. Спроси у хозяина, можно ли сделать их менее жирными.

Сяо Лянь сразу всё поняла:

— Госпожа хочет тайком принести это в поместье для старшего молодого господина?

Маленькая служанка, уже третий раз подходя к прилавку, заказала две порции еды. На этот раз она оставила серебряный уголок в качестве чаевых — не меньше пяти цзяней.

— Моя госпожа осталась довольна. Это вам благодарность, — пояснила она.

Юй Цзюцюэ, принял серебро с полной уверенностью, привыкший к подобным наградам. Однако ни он, ни его помощники пока не знали, что их клиентка — третья молодая госпожа из семьи Сун. Узнав об этом, они, скорее всего, сочли бы это ещё одним удивительным совпадением.

К третьей четверти часа Хай всё, что могло быть продано на прилавке семьи Цинь, закончилось. У Лю Доуцзы, который торговал рядом, оставалось лишь несколько порций жареного тофу — он готовился к закрытию.

— Брат Ся, у меня тут ещё работы на некоторое время. Хочешь, возьми своего супруга и пройдишь по улице? — предложил он, зевая.

Эти слова моментально разбудили интерес Цинь Ся, который до этого вытирал горячий гриль. Он отложил лопатку и взглянул на Юй Цзюцюэ, который в это время аккуратно протирал стойку.

— Что скажешь? Пойдём?

Движения Юй Цзюцюэ на мгновение замедлились, но затем он кивнул:

— Тогда... давай прогуляемся?

Цинь Ся рассмеялся, быстро сбросил лопатку и забрал у Юй Цзюцюэ тряпку, кинув её обратно в ведро.

— Берём цветной фонарик, который подарила Син Юань, и идём гулять!

Лю Доуцзы, с широкой улыбкой, проводил взглядом их уходящие фигуры. Он не мог не заметить, как гармонично выглядела пара, освещённая мягким светом фонарика. В его глазах это были настоящие «небесные создания», идеально подходящие друг другу.

Держась за руки, супруги медленно бродили по длинной улице. Ещё минуту назад они были частью гомонящей толпы уличных торговцев, а теперь, взяв в руки расписной фонарик, превратились в обычных гуляющих, наслаждающихся праздничным вечером. Это придавало прогулке неожиданную лёгкость.

Насытившись за вечер запахами масла и жареной еды, они решили не покупать угощения, а вместо этого присматривались к мелочам, которые встречались на их пути.

Среди их покупок оказались: миниатюрные фигурки животных из глины, деревянная фруктошница, вырезанная в виде гусиной шеи, большая деревянная расческа, превосходившая по размеру ту, что была дома, и набор для игры в двойные шашки. Всё это вещи, которые можно было обойти стороной, но в праздничной атмосфере они манили к себе.

Когда они наткнулись на прилавок с золотыми рыбками, оба остановились и долго разглядывали экспозицию. В эпоху Даюн было модно разводить золотых рыбок, особенно среди торговцев. Рыбки приносили в дом или лавку символическое значение: «живая вода приносит богатство, дом полон золота и нефрита».

Рыбки были на любой вкус: ярко-красные, словно солнце, черные, как чёрный нефрит, с гладкими линиями тела или с причудливыми наростами на голове, напоминающими вышитый шар. Однако, несмотря на всё это великолепие, они решили, что заводить рыбок рискованно. Дома у них жил большой гусь, а ещё изредка появлялся дикий кот. Эти великолепные создания могли бы стать лёгкой добычей.

Но Цинь Ся заметил, как Юй Цзюцюэ равнодушно смотрел на рыбок. Через несколько шагов он увидел прилавок художника, где на одном из вееров была изображена золотая рыбка.

В это позднее время уличный художник почти задремал, опустив голову. Увидев, что кто-то остановился у его прилавка, он тут же вскочил и с энтузиазмом начал предлагать свои работы:

— Господа, хотите что-то выбрать? Если не найдёте подходящего, могу нарисовать прямо сейчас.

Он поднял фонарь, освещая стол, где были разложены большие и маленькие картины, а также расписные веера. Цинь Ся сразу взял веер с изображением золотой рыбки, который привлек его внимание, и, узнав цену, мгновенно заплатил. Его решительность удивила художника.

Тот даже растерялся — ведь эти веера он случайно обнаружил дома среди старых вещей и расписал их на досуге, не надеясь, что в зимний вечер кому-то они понадобятся. Однако судьба распорядилась иначе!

На светлом участке улицы Юй Цзюцюэ долго рассматривал веер, на губах играла лёгкая улыбка.

— Покупать веер зимой... Теперь все вокруг смотрят на нас.

Цинь Ся обнял его за плечи, и оба склонили головы, разглядывая рисунок на веере. На нём была изображена рыбка «Данфэн»: её тело было окрашено в ярко-красный цвет, а длинный хвост плавно струился за ней, словно у сказочного существа.

Цинь Ся не был знатоком гохуа, но даже с точки зрения непосвящённого эта работа выглядела достойно. Бросив ещё один взгляд на прилавок художника, он вдруг подумал, что в будущем можно было бы попросить этого мастера нарисовать несколько страниц для меню их семейного прилавка.

— Кто сказал, что веера нужны только летом? Дома они могут стать прекрасным украшением.

А куда его повесить, можно будет решить позже.

Когда все полезные и красивые вещи были куплены, Цинь Ся нацелился выбрать новый фонарик, но Юй Цзюцюэ решительно воспротивился:

— У нас уже есть этот фонарик в виде вазы, разве этого недостаточно?

— Хороший-то он хороший, но ведь не я его подарил.

Серьёзная интонация Цинь Ся застала Юй Цзюцюэ врасплох. Тот удивился, а затем тихо рассмеялся.

На прилавке с фонариками возвышались четыре яруса деревянных полок, уставленных самыми разными изделиями. Пока Цинь Ся изучал конструкции, рядом Юй Цзюцюэ неожиданно предложил:

— Как насчёт того, чтобы я выбрал фонарик и подарил его тебе, муж?

Цинь Ся, удивлённый, обернулся:

— Мне?

Юй Цзюцюэ серьёзно кивнул. Несмотря на то, что деньги они зарабатывали вместе, до сих пор он никогда ничего специально не покупал для Цинь Ся. Вспомнив, как радостно он сам принимал любые его подарки, Юй Цзюцюэ задумался, не был ли он недостаточно внимателен к своему мужу.

Не зная тонкостей романтических жестов, он решил просто повторить пример Цинь Ся.

— Муж, какой из этих фонарей тебе нравится?

Он встал рядом с Цинь Ся и вместе с ним поднял голову, разглядывая полки.

Но Цинь Ся только улыбнулся:

— Разве ты не собирался сам выбрать? Что бы ты ни выбрал, мне это понравится.

Юй Цзюцюэ стал рассматривать фонарики ещё внимательнее. Его взгляд остановился на фонаре в форме красного краба. Краб символизировал богатство, а в мыслях Юй Цзюцюэ по-прежнему всплывали образы еды — из-за Цинь Ся, конечно.

После некоторого колебания он всё же потянулся за фонариком.

— Муж, нравится ли тебе этот?

Лапы краба словно размахивали в стороны. Цинь Ся, заметив это, не стал спрашивать, почему Юй Цзюцюэ выбрал именно его. Вместо этого он с улыбкой взял фонарик:

— Этот краб действительно оригинален. На фоне всех этих цветов, птиц и зверей он выглядит необычно. Очень симпатично.

Кроме краба они приобрели ещё фонарик с обезьяной, ловящей луну. Когда они вернулись и отдали его Лю Доуцзы, тот так обрадовался, что заулыбался во весь рот:

— Брат Ся, ты помнишь, что я родился в год Обезьяны!

Лю Доуцзы, глядя на фонарик в форме краба в руках Цинь Ся, не удержался от улыбки:

— Этот краб действительно забавный!

Цинь Ся с гордостью поднял руку, покачивая фонарик из стороны в сторону:

— Нравится? Это подарок моего супруга.

Лю Доуцзы на мгновение замер, глядя на свой фонарик, и почувствовал, что он уже не кажется таким привлекательным. Но он быстро успокоил себя: «Ничего, возможно, к следующему году и у меня будет супруг.»

Всё завершилось привычной суетой. Отработанное масло вылили в деревянный бочонок, собрали мусор, убрали столы, стулья, посуду и кухонную утварь. Всё аккуратно сложили в ящики и закрепили на тележке.

Лю Доуцзы оглядел пустую площадь, почесал затылок и задумчиво сказал:

— Как подумаю, что завтра уже не нужно сюда приходить, становится немного грустно.

За этот месяц он привык к ритму ранних подъёмов и позднего возвращения домой. Хоть было утомительно, особенно после короткого двухчасового сна, он знал, что послеобеденный отдых поможет восстановить силы. Несмотря на усталость, звон медных монет в копилке оправдывал все усилия.

Цинь Ся хлопнул его по плечу:

— Если ты всерьёз захочешь открыть свой прилавок на ночном рынке, я могу поговорить с Ху-

гуанье. Может, он подскажет, когда освободится подходящее место.

Глаза Лиу Доуцзы загорелись:

— Ты про того самого Ху-гуанье из управы?

Цинь Ся кивнул:

— Когда он покупал у меня рецепты, уже упоминал об этом. Тогда я отказался, но думаю, если спросить ещё раз, можно договориться.

Ведь речь шла не о незаконных услугах, а лишь о получении информации. Управление улиц всегда первым знало о смене торговых мест.

Лю Доуцзы, потирая руки, загорелся идеей:

— Если это получится, я точно попробую!

Он знал, насколько прибыльным может быть ночной рынок, и считал, что пока молод, нужно брать пример с Цинь Ся: больше зарабатывать, больше откладывать. Когда будет лишнее серебро, можно и жениться, и поддерживать семью — мать и старшую сестру, выданную замуж.

Теперь, когда появилась надежда снова работать на рынке, его грусть моментально испарилась. Но он понимал, что снова в долгу перед Цинь Ся, и думал, как обсудить с матерью, чем можно отблагодарить. Когда-то их семья лишь символически поддерживала Цинь Ся, а теперь это он стал для них опорой.

Когда они вернулись домой, луна уже высоко поднялась в небе. На фасадах домов в переулке Фужун всё ещё висели праздничные фонарики, но тишина здесь заметно контрастировала с шумом остального города.

Уложив все покупки и умывшись, молодая пара поспешила в тёплую постель. Юй Цзюцюэ прижимал ноги к грелке, а верхнюю часть тела обнимал Цинь Ся, согревая своей теплотой. Это было так уютно, что он невольно начал пересчитывать ресницы супруга, пока тот медленно засыпал.

— Муж, отдохни пару дней. Завтра не обязательно выходить на улицу Любао с прилавком, — тихо предложил Юй Цзюцюэ.

Уже почти засыпающий Цинь Ся с трудом приподнял веки и что-то невнятно пробормотал в ответ. Затем, следуя инстинкту, обнял Юй Цзюцюэ ещё крепче и твёрдо решил: завтра

обязательно выспаться.

Утро следующего дня

На самом деле, он действительно позволил себе лениться два дня подряд, вставая только около полудня. После таких дней отдыха он вновь набрался сил и вернулся на Любао-цзе, чтобы продавать свои обеды.

Остальное время было занято делами: он обучал клиентов, купивших рецепты, готовить блюда, которые прежде предлагались только на ночном рынке, и искал подходящее помещение для открытия небольшого ресторана.

В поисках ему помогал Син Имин, но найденные варианты пока не подходили. Одно помещение оказалось слишком старым, с полусгнившими колоннами, и хотя цена была низкой, ремонт мог бы обойтись в целое состояние. Другое выглядело вполне прилично, но задний двор был без колодца, а это значило, что воду пришлось бы носить издалека — слишком большая проблема для заведения.

Цинь Ся не хотел идти на такие компромиссы, предпочитая следовать своей концепции: «маленькое, но качественное». Он понимал, что в одиночку справиться с большим рестораном будет сложно.

Возвращаясь домой по набережной, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ обсуждали результаты дня.

— Думал, что с поиском помещения разберусь сразу, а теперь уже больше месяца не можем сдвинуться с места, — вздохнул Цинь Ся.

— Не стоит переживать, рано или поздно найдём, — мягко успокоил Юй Цзюцюэ.

На повороте дороги их взору открылась зимняя картина: пруд с увядшими лотосами. Это место было малоизвестным, и Цинь Ся здесь бывал редко. Увидев засохшие листья, он усмехнулся и вдруг вспомнил строки из поэзии:

— Я однажды читал стихотворение: «Осенняя мгла не уходит, иней ложится поздно, засохшие лотосы остаются, чтобы слушать дождь...»*

Цинь Ся, обладавший богатой эрудицией, решил превратить путь домой в поэтическую прогулку, рассуждая о красоте природы. Но он не успел договорить, как позади раздались аплодисменты и восторженный голос:

— Прекрасная поэзия, прекрасная!

(ПП: Из « Павильона Су Ло, напоминающего о Цуй Юне и Цуй Гуне », автор Ли Шанъинь из династии Тан)

<http://bllate.org/book/13601/1206045>